

УДК 82:802/809

**МОТИВ УТРАЧИВАЕМЫХ МУЖСКИХ ЦЕННОСТЕЙ
В ПОЭМЕ Н.В. ГОГОЛЯ «МЕРТВЫЕ ДУШИ»***С.В. Синцова***Аннотация**

В главах «Мертвых душ», с четвертой по шестую, обнаружен скрытый мотив утраты Чичиковым важнейших мужских ценностей: достоинства, надежд на дружбу, любовь, семью и достаток. Развитие данного мотива сопровождается формированием множества ассоциаций с другими произведениями Н.В. Гоголя (интертекст), которые заметно обогащают смысловую палитру выявленного мотива и формируют скрытые значения фрагмента о путешествии героя.

Ключевые слова: Н.В. Гоголь, гендер, ассоциации, мотив, интертекст.

В настоящей статье представлено продолжение исследования гендерных образов и мотивов знаменитой поэмы Н.В. Гоголя [1]. В свете таких глубоко скрытых мотивов Чичиков предстает подобием Ивана Ивановича из «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», а его путешествие выглядит как постепенная утрата неких «женских даров»: внешней привлекательности (бекеша Ивана Ивановича) и обаяния (речи персонажа)¹. Начало таким утратам положено Коробочкой, которая предстает в ассоциативных контекстах подобием ведьмы или Цирцеи, таинственным образом отнимающей у Чичикова его человеческое достоинство.

В свете этих ассоциаций отношения с Ноздревым также приобретают мистический подтекст. Он предстает тайным пособником старухи и продолжает разрушать самоуважение Чичикова. Как только не называет бесцеремонный Ноздрев своего гостя: и «свинтус», и «скотовод», и «Оподелдок Иванович». А потом обзывает и вруном, и подлецом, и фетюком. Через фетюка возникает уподобление Чичикова зятю Ноздрева, которого тот отпускает «бабиться с женою». А вместо него оставляет Чичикова, беря его в своего рода плен, как это сделал с Хомой отец панночки-ведьмы.

Чичиков вынужден уже явно подчиняться чужой воле (игра в шашки), а когда он обнаруживает несговорчивость и норовистость, Ноздрев напускает на него своих крепостных, подобных Явтуху и его пособникам, следившим за Хомой. Угроза избиения Чичикова рождает в нем столь сильный страх, что вновь вспоминается Хома, проводящий ночи в церкви. Даже разнообразные предложения

¹ Смысловые связи «Мертвых душ» с «Миргородом» обнаружены Г.А. Гуковским [2]. Гендерный аспект этих связей был рассмотрен в работе С.В. Синцовой [3]. Подробнее о скрытых смыслах «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» см. [4].

Ноздрева обменять мертвых на коня, собаку, шарманку и т. п. отдаленно напоминают предложение отца панночки богато одарить Хому за исполнение последнего желания покойной.

Открыто подчиняя волю Чичикова, унижая его достоинство, Ноздрев продолжает косвенно «понижать» его в «чине». Не случайно «исторический человек» открыто уподоблен коллежскому регистратору, который имеет обыкновение открыто нагадить ближнему. «Таковую же странную страсть имел и Ноздрев» (МД, с. 71). В сравнении с «человеком со звездой на груди» коллежский регистратор выглядит как воплощение ничтожной сущности значительного лица. И вот эта ничтожная сущность открыто унижает и оскорбляет Павла Ивановича, держит его в подобии плена, даже готова его побить за неподчинение.

Ничтожность Ноздрева усилена еще одной ассоциацией – с образом Чертокуцкого из повести «Коляска». Это уподобление сформировано не только благодаря невиданным суммам, за которые он якобы купил коня или лес (как Чертокуцкий коляску). Ноздрев описывает свои похождения на ярмарке, где он познакомился с офицером. В особом восторге он от поручика Кувшинникова, с которым, видимо, в основном и общался. Поэтому когда Ноздрев начинает подпавать Чичикова и Мижучева с явным расчетом обыграть их в карты, он тем самым, несомненно, пытается взять реванш за проигрыш на ярмарке. Так из самой ситуации возникает косвенное уподобление Чичикова младшим офицерам. А игра не в карты, а в шашки еще больше снижает его «значительность».

Едва заметные уподобления Ноздрева ведьме-Коробочке еще больше усиливают эту тенденцию. Так, вместо двора, полного всякой живностью, у Ноздрева двор полон собак, очеловеченность которых проявилась в том, что они подошли здороваться с хозяином и гостями (как петух Коробочки). Вместо бега-полета над фантастическим «морем» (эпизод повести «Вий») Ноздрев сам ведет гостей до границ своего имения и объявляет лес на границе своим. А вместо колдовских чар и ведьминских уловок в воздействии на Чичикова (Хому) использует запасы сомнительного вина (как Пульхерия Ивановна использовала свою «аптеку»), жульничает при игре в шашки, а потом и откровенно запугивает гостя «пленного». И эти грубые средства оказались весьма действенными. Павел Иванович, сам того не подозревая, оставил у Ноздрева целый ряд своих достоинств.

Во-первых, самоуважение, поскольку Ноздрев даже поднял руку, чтобы ударить Чичикова. И это принесло бы «несмываемое бесчестие». В этом смысле избитый помещик Максимов – своеобразный символ возможного поругания Чичикова. Во-вторых, Чичиков как бы лишается голоса, а вместе с ним и главной составляющей его обаяния, умения устанавливать контакт с людьми. «Он хотел что-то сказать, но чувствовал, что губы его шевелились без звука» (МД, с. 86). В-третьих, Чичиков терпит поражение в некоем подобии «войны», комичные бытовые проявления которой (Ноздрев – поручик, Чичиков – неприступная крепость) напоминают о противостоянии Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича. Добычей Ноздрева в этой «войне» становятся два аналога ружья (именно два ружья видит Чичиков у него в кабинете). Так возникает намек на то, что Ноздрев – подобие Ивана Никифоровича, который не только не расстался со своим сокровищем, но и отнял знак мужества и доблести еще и у своего противника. В-четвертых, от образа значительного лица не остается камня на камне.

Чичиков в своем жалком положении уподоблен слуге Ноздрева. Акцентируется такое уподобление полным достоинством ответом капитана-исправника на обвинение Ноздрева, что чиновник врет, заявляя об избиении Максимова. Чичиков, молчавший в сходных ситуациях (Ноздрев не раз обзывал его вруном), услышал тот ответ, который должен был дать сам своему обидчику: «Милостивый государь! позвольте вам доложить, что я офицер. Вы можете это сказать вашему слуге, а не мне!» (МД, с. 88).

Оставив окончательно свое достоинство у Ноздрева, Чичиков ничего не получил взамен, поскольку никакой новой особенности не появилось у него после бегства из ноздревского «плена». Зато некое подобие даров посылает ему то ли небо, то ли случай. Первый связан с образом капитана-исправника, с которым соотносимы понятия об истинном достоинстве. Колокольчики его тройки «звякнули вдруг, как с облаков». Так едва намечена ассоциация с финальным эпизодом «Записок сумасшедшего», воображаемым полетом Поприщина, новоявленного «короля» Испании. Не отзвуки ли его гордости и достоинства слышны в ответе капитана-исправника наглому Ноздреву?

Еще одним напоминанием о важном и утраченном становится встреча с хорошенькой молоденькой институткой, в коляску которой чуть не врезался Селифан. Белизной и прозрачностью лица она напоминает то ли русалку из видения Хомы, то ли красавицу-панночку перед смертью (слезы в глазах). Чичиков, как бы лишенный голоса (ранее), не решается с ней заговорить. В результате вместе с красавицей оказываются упущенными возможность любви и семейного счастья. На любовь намекает уподобление Чичикова молодому человеку (юноше или гусару), душа которого вся откликнулась бы на появление прекрасного женского образа. Описывая такую реакцию, Гоголь использует лексику и синтаксис, близкие финальным фразам отрывка «Рим», тем самым расподобляя Чичикова еще и итальянскому князю: «...Позабыв и себя, и службу, и мир, и все, что ни есть в мире» (МД, с. 92). Соответственно, весь эпизод встречи с проезжей красавицей предстает как напоминание главному герою о том, что время для любви уходит, он все дальше от пылкой юности, возможно, такая встреча – его последний шанс испытать взрыв чувств... Упущенная возможность не только влюбиться, но и жениться угадывается благодаря другой ассоциации – с Подколесным или Кочкаревым (пьеса «Женитьба»). Размышления главного персонажа о детскости и простоте юной барышни, способной быстро «наполниться всяким бабьем», о приданом, о женитьбе «человека с капиталом, приобретенным на службе», – все это отсылает к образам гоголевской пьесы. Даже на утраченную дружбу есть намек в анализируемом эпизоде. Чубарый конь, влетев в чужую упряжку, принял нового «знакомца» за приятеля и никак не хотел с ним расстаться, что-то нашептывая ему в ухо.

Обе случайные встречи, напоминающие об утрате важных ценностей, предваряют визит Чичикова к Собакевичу. Кажется, что Чичиков приезжает к нему уже ни с чем и ему нечего будет предложить взамен мертвых душ. Поэтому образ Собакевича, описание его дома и поместья выглядят как продолжение уже намечившейся темы утрат Павла Ивановича. Чичиков созерцает то, от чего он сам отказался или что у него так или иначе отняли. Вместе с тем образ Собакевича и его окружения помещены Гоголем в ассоциативном ряду с Иваном

Ивановичем и Иваном Никифоровичем. Собакевич – подобие последнего, соответственно, противопоставлен не только Манилову, но и Чичикову. В свете этих уподоблений достоинства хозяйства Собакевича могут выглядеть воплощением того, в чем последний превзошел Чичикова, чему можно завидовать и желать присвоить (как ружье).

Оба ассоциативных потока взаимодействуют в процессе создания Гоголем образа Собакевича и того, что его окружает. У Собакевича есть жена, есть добротный, хоть и не очень красивый дом с атрибутами домашнего уюта (картины, дрозд), долговечные и основательные хозяйственные постройки; избы его мужиков характеризуются как крепкие. «Медвежья» внешность – свидетельство еще более крепкого, нежели у Павла Ивановича, здоровья. Кроме того, Собакевич очень независим в своих мнениях и суждениях о людях. Разнообразие и обилие его стола превосходит даже угощение Коробочки, а аппетит – чичиковский. Правда, нет у Собакевича ни чина, ни достоинства в поведении, ни умения и тонкости вести беседу, ни красоты и благообразия в окружении.

Одно из своих качеств, дающих ему превосходство над Собакевичем, Чичиков пытается продемонстрировать: он облекает свою просьбу о мертвых душах в чрезвычайно витиеватую форму (жалоба Ивана Ивановича в суд). Но Собакевич и здесь превзошел его прямоотой, назвав предмет торга ясно и откровенно. Любопытно, что Собакевич ведет себя с гостем как с откупщиком. Он не церемонится, полностью уничтожая чичиковский ореол «значительного лица». Мало того, в процессе торга у неуклюжего и не очень речистого Собакевича пробуждается дар вдохновенно говорить (иск Ивана Никифоровича). «...Собакевича, как видно, понесло: полились такие потоки речей, что только нужно было слушать» (МД, с. 102). Чичиков даже «изумлен таким обильным наводнением речей, которым, казалось, и конца не было...» (МД, с. 103). Важно то обстоятельство, что поток славословий адресован крепостным, превозносит их качества. Как оказалось, Собакевич их чрезвычайно ценит. Так сформирован намек на то, что он умеет подметить и высоко оценить талант человека независимо от социального положения. Не такой ли талант он почувствовал и в Чичикове при первом знакомстве, аттестовав его своей жене как «преприятного человека»?

Чичиков, в свою очередь, принижает эту способность собеседника, косвенно изобличая Собакевича в приукрашивании. Гость замечает, что ему кажется, будто между ним и хозяином «происходит какое-то театральное представление или комедия» (МД, с. 103). Так на весь эпизод накладывается оттенок притворства, лицедейства. В этих контекстах оба персонажа уравниваются и даже приобретают оттенки двойничества (актеры-комедианты).

Оттенки шантажа, позже появляющиеся в беседе, наносят еще больший ущерб достоинству собеседников. Гоголь уже сравнивает Собакевича с дрессированным медведем. Наконец торг приобретает оттенок войны (мотив из повести о двух Иванах), когда повествователь упоминает портрет Багратиона, смотрящего на покупку «чрезвычайно внимательно». И в заключительной «схватке», как ни странно, побеждает Павел Иванович: он уже не отступает от двух с полтиной на душу. Собакевич вынужден согласиться. Так возникает намек на то, что вместе с ценой Чичиков продемонстрировал важные качества: чрезвычайную стойкость, выдержку и завидную деловую хватку.

Поразительно, но гость с этой победой над «противником» получает и ряд других преимуществ, правда, эфемерных. Так, разглядывая со спины пишущего Собакевича, он представляет, каким бы тот был, живя в Петербурге. Павел Иванович убежден, что Собакевич занял бы довольно значительное положение, «пошелкивал» бы подчиненных, или грабил бы казну, или «давал знать» ученым. Так, одержав верх в торге за мертвые души, Чичиков, оказывается, каким-то образом одолел и потенциальное значительное лицо. А когда согласился дать задаток, вдруг обрел в недавнем противнике «приятеля» и даже «короткого друга» (МД, с. 106, 107). Мало того, Собакевич приглашает его бывать в имении, «пообедать, время провести», «услужить чем-нибудь друг другу», то есть начинает вести себя, как Манилов. Даже провожает «друга», стоя на крыльце.

В основе скрытого сходства Чичикова и Собакевича, по-видимому, лежат те качества, которые Собакевич ценит в себе. Чичиков становится неким подобием зеркала, в котором отразились эти качества. Только эти черты отвращают самого Павла Ивановича. Он все время обзывает Собакевича «кулаком», «медведем», ему крайне неприятны и приглашение, и дружеская болтовня нового «приятеля». Так с Чичиковым за короткое время происходит весьма разительное преобразование: из подобия Ивана Ивановича и Манилова он превращается в «кривое отражение» Собакевича (и, следовательно, Ивана Никифоровича). А их «достоинства» для него внутренне чужды, неприемлемы, вызывают отторжение и раздражение.

Воплощением внутренней сущности такого преобразенного (обобранного, духовно нищего) героя предстает Плюшкин. Создавая этот образ, Гоголь активно использует ассоциации с повестью «Старосветские помещики». Это и развернутое «отступление» автора-повествователя, близкое и по настроению, и по основным мотивам истории о двух старичках, поездках к ним (дорога, множество деталей, сожаление об ушедшей молодости, чувство печали). В описании дома и имения Плюшкина акцентированы ветхость и постепенное разрушение, живо напоминающие мотив разорения из финала «Старосветских помещиков». Дополняет этот шлейф ассоциаций и образ заросшего сада, больше напоминающего лес, куда сбежала кошечка Пульхерии Ивановны. А уж сам Плюшкин, одетый в нечто вроде женского капота, принятый Чичиковым за ключницу, – несомненное подобие Афанасия Ивановича, оставленного всяким женским попечением (его заботливая жена умерла, завещав ему перешить свое платье на халат).

О достатке, богатом столе напоминает лишь громадный натюрморт с фруктами, арбузом, кабаньей мордой, уткой и цветами (мотив еды, связанный с Пульхерией Ивановной). Рядом с натюрмортом висит гравюра, изображающая сражение. Эта деталь содержит ассоциацию с воинственной молодостью Афанасия Ивановича и его «шутками». К этим намекам на детали и образы из «Старосветских помещиков» эпизодически присоединяются намеки на детали и образы «Вия». Они угадываются не только в подчеркивании «особенной ветхости», «картинного запустения». Несколько раз упомянута деревянная старая церковь. Дом Плюшкина похож на «замок», а сад зарос невозможно и напоминает о непроходимом лесе, выросшем вокруг церкви с чертями. Слегка намечен даже образ русалки: в описании равнодушия автора-повествователя упомянуто отсутствие «живого движения в лице, смеха и немолчных речей» (МД, с. 111).

Эти параллели с повестью «Вий» придают довольно узнаваемому подобию Афанасия Ивановича (Плюшкину) скрытый мистический оттенок. Дом Плюшкина, к которому так долго пробирается повествователь сквозь густые заросли сада-леса, напоминает о церкви, набитой мертвыми чертями. Так возникает едва уловимый намек на то, что Плюшкин – еще и отдаленное подобие Хомы, в душу которого вместилось и разрушило ее женское начало¹.

Эта скрытая ассоциация усилена описанием жилища помещика, где царят запустение, беспорядок, лежит пыль. Появившийся в этом окружении Плюшкин чем-то сродни и страшному трупу панночки, и жуткому Вию. Правда, его маленькие глазки похожи на двух мышей, они «еще не потухнули и бегали...» (МД, с. 116). Сохранено также скрытое сходство с ведьмой – через уподобление Коробочке (у той тоже было что-то наверхено вокруг шеи). О бесовском начале Плюшкина догадывались и покупщики. После бесполезного торга они уезжали в уверенности, «что это бес, а не человек» (МД, с. 119) (черти в церкви в финале повести «Вий»).

Описание прежней жизни Плюшкина отчасти напоминает перечень утрат, понесенных его хозяйством и душою. Неплохой семьянин лишился жены, рассорился с детьми, стал скуп и подозрителен, почти утратил живые чувства, потерял достоинство (торг с покупщиками). В его облике начинают проступать черты то ли сказочного Кощея, то ли скупого рыцаря (история с сыном-офицером). Но отчетливее всего он уподобляется нищему (МД, с. 116). Чичиков, если бы встретил Плюшкина у церковных дверей, подал бы ему медный грош, в отличие от Ивана Ивановича, который несчастной попрошайке ничего не дал.

Так сложно и многообразно сформировал Гоголь символический образ обнищавшей души, постепенно лишившейся всех радостей жизни, достоинств и добродетелей. Убожество и ничтожность Плюшкина сообщает Чичикову роль невольного благодетеля и даже значительного лица. Не случайно Плюшкин высказывает предположение о том, что гость состоял в военной службе.

Но готовность нести убыток за Плюшкина, якобы благородное поведение – все предстает подобием маски, искусно сыгранной роли. За личиной без труда угадывается все тот же хваткий и настойчивый торговец, что переплюнул самого Собакевича. Как отражение маски добродетелей Чичикова выглядит взятая Плюшкиным роль добродушного и несчастного старика.

«– Только, батюшка, ради нищеты-то моей, уже дали бы по сорока копеек.

– Почтеннейший! – сказал Чичиков, – не только по сорока копеек, по пятьсот рублей заплатил бы! с удовольствием заплатил бы, потому что вижу – почтенный, добрый старик терпит по причине собственного добродушия.

– А ей-богу, так! ей-богу, правда! – сказал Плюшкин, свесив голову вниз и сокрушительно покачав ее. – Все от добродушия» (МД, с. 128).

Вышеизложенное позволяет утверждать, что мотив утрачиваемых мужских ценностей и добродетелей является смыслообразующим во фрагменте «Мертвых душ» с четвертой главы до начала шестой. У образов Чичикова и его новых знакомых появляются скрытые значения, формируются символические оттенки. Путешествие главного героя оборачивается невосполнимой утратой

¹ Подробнее о гендерных смыслах и символических образах повести «Вий» см. [5].

важнейших человеческих (в первую очередь – мужских) достоинств: чувства самоуважения, обаяния, собственного голоса, возможности иметь друзей и семью, достаток и спокойную жизнь (мечта Чичикова о домике). Подобием такого «обделенного» Чичикова становится Плюшкин, в создании образа которого Гоголь также использует излюбленный им мотив зеркала, отмеченный М. Вайскопфом [6]. Так формируется очень важная сюжетная линия «Мертвых душ»: Чичиков окончательно лишается тех «женских даров», что так украшали и облагораживали персонажей-мужчин в произведениях Гоголя («Тарас Бульба», «Рим» и других).

Summary

S.V. Sintsova. The Motif of Lost Male Values in “The Dead Souls” by N.V. Gogol.

In chapters four to six of “The Dead Souls” a hidden motif of the loss of the most important male values (dignity, friendship, love, family, and prosperity) by Chichikov has been detected. The development of the said motif is accompanied by the formation of a number of associations with other Gogol’s works (intertext). These associations considerably enrich the palette of meanings of the revealed motif and show hidden meanings of the fragment under study.

Key words: N.V. Gogol, gender, associations, motif, intertext.

Источники

МД – Гоголь Н.В. Мертвые души. – М.: Худож. лит., 1978. – 541 с.

Литература

1. Синцова С.В. Скрытое развитие гендерных мотивов и образов в «Мертвых душах» Н.В. Гоголя // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2011. – Т. 153, кн. 2. – С. 153–160.
2. Гуковский Г.А. Реализм Гоголя. – М.; Л.: Худож. лит., 1959. – 529 с.
3. Синцов Е.В., Синцова С.В. Феномены власти в художественно-философском осмыслении. – Казань: Изд-во Каз. гос. энерг. ун-та, 2008. – 300 с.
4. Синцова С.В. Гендерный подтекст «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2010. – Т. 152, кн. 2. – С. 65–77.
5. Синцова С.В. Символика повести Н.В. Гоголя «Вий»: гендерные оттенки значений // Дом Бурганова. Пространство культуры. – 2010. – № 2. – С. 159–170.
6. Вайскопф М.Я. Сюжет Гоголя: Морфология. Идеология. Контекст. – М.: Изд-во Рос. гос. гуманит. ун-та, 2002. – 686 с.

Поступила в редакцию
15.05.12

Синцова Светлана Викторовна – кандидат философских наук, доцент кафедры русского и татарского языков Казанского государственного энергетического университета.
E-mail: esintsov@mail.ru